

Сценарий литературной гостиной «Вспоминая Мастера...»

От составителя:

К 110-летию Михаила Булгакова был подготовлен театрализованный вечер «Вспоминая Мастера...». Мы не ставили своей целью охватить все творчество Булгакова или полностью раскрыть его биографию. Нам хотелось создать калейдоскоп из написанных им произведений и фактов личной жизни. Так родилась идея провести вечер в форме заседания Литературного объединения (ЛИТО), членом которого Булгаков был в 20-е годы. Выбранная форма оказалась удобной, так как на заседании Лито можно поговорить и об авторе, и о его произведениях, выслушать мнение современников, и даже услышать изречения Шарикова, персонажа повести «Собачье сердце».

Сценарий вечера рассчитан на небольшой зал и камерную обстановку. Действие происходит в 20-30-е годы XX века. Так как большая часть вечера построена на диалогах, действие должно развиваться динамично, создавая у зрителей ощущение непрерывности происходящего. Для большей убедительности члены ЛИТО должны находиться в зрительном зале рядом со зрителем, делая их равноправными участниками.

Создавался вечер общими усилиями, для участия в нем мы привлекали творческую интеллигенцию города и друзей библиотеки. Музыкальные произведения исполняли преподаватели музыкального училища. Всего было задействовано 16 человек. Вечер рассчитан на 1ч. 20 мин. К предлагаемому сценарию следует отнестись творчески, можно дополнять и переделывать в зависимости от исходных видеоматериалов, количества участников и т.д.

В вечере были использованы тексты следующих произведений: «Записки на манжетах», «Морфий», «Самогонное озеро», «Мастер и Маргарита»; художественные фильмы по произведениям Булгакова: «Собачье сердце», «Бег», «Дни Турбиных».

«Люди выбирают разные пути. Один, спотыкаясь, карабкается по дороге тщеславия, другой ползет по тропе унижительной лести, иные пробираются по дороге лицемерия и обмана. Иду ли я по одной из этих дорог? Нет! Я иду по крутой дороге рыцарства и презираю земные блага, но не честь...»

М. Булгаков

Оформление: на входной двери в зал нарисован трамвай №13; главная стена задрапирована тканью, на которой висит большой портрет Булгакова, рядом подставка со свечами; по стенам зала развешаны вывески – ЛИТО, кафе «Ку-Ку», Аптека, трактир «Спорт» и др.; стоят два плетеных кресла и столик.

Зрительские места устроены так, чтобы зрители ощущали себя участниками действия, находясь как бы внутри него.

Действующие лица:

-Ведущая вечера

-Шариков Полиграф Полиграфович (в кожаной куртке, голова перебинтована)

-Торговка (в фуфайке, шапке-ушанке, кирзовых сапогах, переднике)

-Вагоновожатая (в черной куртке, берете, на груди эмблема, сумка через плечо)

-Булгаков (чтец 1, чтец 2)

-Лаппа Татьяна, 1-я жена Булгакова

-Белозерская Любовь, 2-я жена Булгакова (одета в стиле 20-х годов XX века)

-Коммунарки, они же члены президиума ЛИТО (две женщины в кожаных куртках, красных косынках)

-Участники ЛИТО (находятся в зрительном зале)

Пока зрители собираются и рассаживаются, участники вечера создают обстановку Москвы 20-х годов (все динамично): Шариков играет на балалайке, поет частушки; вагоновожатая продает билеты на трамвай №13. В зал выходит **торговка:**

– Бублики, бублики, кому бублики? Налетай, разбирай, свежие, горячие... (разговаривает с пассажирами трамвая и раздает им бублики)

В дверь заходит **Л. Белозерская:**

– Ах, Париж, Париж... Это было незабываемо! Как я люблю Елисейские поля, узкие улочки Монмартра... (садится в плетеное кресло)

Вагоновожатая (закрывая дверь): Котам нельзя! С котами нельзя! Брысь! Слезай, а то милицию позову! (закрывает дверь и обращается к залу) «Граждане пассажиры все купили билеты? Рассаживаемся, не толкаемся, всем места хватит. Наш трамвай отправляется по маршруту Набережная - Бронная. Поехали!» (*звонит в колокольчик*)

Ведущая: (с книгой в руках)

«Для того, кто видел Москву раньше, теперь она неузнаваема, настолько резко успела изменить ее новая экономическая политика (по сокращению НЭП).

фоном звучит музыка к песне «Конфетки, бараночки»

Весь день, до поздней ночи движется, покупает, продает, толчется в магазинах московский люд. Но и поздним вечером все еще живет неугомонная Тверская... Ест и пьет за столиком народ, живущий в невиданном еще никогда торгово-красном Китай-городе. ...Это чудная какая-то клоака. Бешеная дороговизна... Москва – котел. В нем варят новую жизнь.

Несется трамвай среди говора, гомона, гудков в центр.

Вывеска на вывеске. Свежая краска бьет в глаза. И чего, чего на них нет! Цупвоз. Моссельпром. Отгадывание мыслей. Виноторг. Трактир «Спорт». До поздней ночи улица шумит. Мальчишки – красные купцы торгуют. Взвизгивают скрипки в кафе «КУ-КУ», но все тише, реже. Засыпает Москва...

Утром по Тверской прокатывается оглушительный марш. В новых гимнастерках с красными, синими, оранжевыми клапанами на груди, в шлемах один к одному, под лязг тарелок, под рев труб рота за ротой идет красная пехота».

видеосюжет из к/ф «Собачье сердце» «марш красноармейцев»

Выходят (как из кадра) **коммунарки**, с ними Шариков... (поют):

***Белая армия на голову разбита,
Красную армию никто не разобьет***

Коммунарка 1: Отряд на месте стой! Раз, два!

Шариков: Вчера котов душили, душили

Переделаем в белок, на польта пойдут в счет рабочего кредита

Коммунарка1: Отряд разойдись!

(начинают создавать обстановку для заседания ЛИТО – заносят стол для президиума, накрывают его красной скатертью, ставят графин с водой, прибывают табличку ЛИТО, вешают флаг, при этом напевают «Наш паровоз вперед летит» – создавая видимость бурной деятельности).

В зал заглядывает **человек** и спрашивает: «Это ЛИТО?»

Все участники **хором отвечают:** «ЛИТО!» и занимают свои места: коммунарки садятся за стол, Шариков **возле плетеной мебели, там же ведущая** и Белозерская, **участники ЛИТО** сидят среди зрителей.(???????)

Выходит **Булгаков (чтец 1)**: «Да, я не туда попал! Это ЛИТО?...

читает отрывок из повести «Записки на манжетах»

«...Потухшим взором я обвел лица, затем стены, ища двери подальше. Но двери не было... Бросились в глаза два человека. Один – седоватый старик с живыми, чуть смеющимися глазами – был в папахе, солдатской шинели. На ней не было места без дыры и карманы висели ключьями...

- Это... ЛИТО?

- Да.

- Нельзя ли видеть заведующего?

Старик ласково ответил:

- Это я.

Затем взял со стола огромный лист московской газеты, отодрал от нее четвертушку, высыпал махорки, свернул козью ногу и спросил у меня:

-Нет ли спичечки?

Я машинально чиркнул спичкой, а затем под ласково-вопросительным взглядом старика достал из кармана заветную бумажку.

Старик наклонился над ней, а в это время мучительно думал о том, кто бы он мог быть... Больше всего он походил на обритого Эмиля Золя.

Старик:

-Так вы?..

Я ответил:

-Я хотел бы должность в ЛИТО.

Молодой восхищенно крикнул:

-Великолепно!..

Булгаков (чтец 2): (продолжает читать) Подхватил старика под руку. Загудел шепотом: ду-ду-ду...

Старик повернулся на каблуках, схватил со стола ручку. А молодой сказал скороговоркой:

- Пишите заявление.

Заявление было у меня за пазухой. Я подал.

Старик взмахнул ручкой. Она сделала: крак! и прыгнула, разорвав бумагу. Он ткнул ее в баночку. Но та была суха.

- Нет ли карандашика?

Я вынул карандаш, и заведующий косо написал:

«Прошу назначить секретарем ЛИТО». Подпись.

Открыв рот, я несколько секунд смотрел на лихой росчерк.

Молодой дернул меня за рукав:

- Идите наверх, скорей, пока он не уехал! Скорей!

И я стрелой полетел наверх. Ворвался в двери, пронесся через комнату с женщинами и вошел в кабинет. В кабинете сидящий взял мою бумагу и черкнул: «Назн. секр.» Буква. Закорючка. Зевнул и сказал: вниз.

В тумане летел опять вниз. Мелькнула машинка. Не бас, а серебристое сопрано сказало: Мейерхольд. Октябрь театра...

Молодой бушевал вокруг старого и хохотал.

- Назначил: Прекрасно! Мы устроим! Мы все устроим!

Тут он хлопнул меня по плечу:

-Ты не унывай! Все будет.

Я не терплю фамильярности с детства, и с детства же был ее жертвой. Но тут я так был раздавлен всеми событиями, что только и мог сказать расслаблено:

- Но столы... стулья... чернила, наконец!

Молодой крикнул в азарте:

- Будет! Молодец! Все будет!

И, повернувшись в сторону старика, подмигнул на меня:

- Деловой парняга! Как это он про столы сразу! Он нам все наладит!

(отрываясь от текста, спрашивает) «Так я куда попал? Это ЛИТО?»

Коммунарка 1: Да, да вы туда попали, проходите пожалуйста, товарищ (звонит в настольный колокольчик) Начинаем заседание ЛИТО...

Шариков (выкрикивает с места): Ему, наверное, документ какой-нибудь дадут, и мне документ надо. Человеку без документов строго запрещается существовать!

Коммунарка 1: Да, погодите вы товарищ со своими документами.

Коммунарка 2: Ну, что гражданин... как вас? Да, Булгаков. Давайте знакомиться... (читает автобиографию):

– Родился в Киеве в семье священника. Окончил с отличием Киевский университет, медицинский факультет. Был полковым врачом. Работал в земской больнице Смоленской губернии. Туда был направлен по мобилизации как не годный к военной службе. В Вязьме работал в городской больнице. Зарекомендовал себя энергичным и неутомимым работником. Было произведено много операций. Среди них: ампутация бедра, удаление атеромы...

Коммунарка 1: Да что Вы нам голову морочите! Вы пишете или вы врач?

Булгаков (чтец 1): Пишу!

Коммунарка 1: И давно?

Булгаков (чтец 1): Недавно...Очерки, фельетоны.

Ведущая: Сочинение фельетонов на строк в 75-100 отнимает у него, включая сюда и курение, и посвистывание, от 18 до 20 минут. Переписка на машинке, включая сюда и хихиканье с машинисткой – 8 минут. Словом, в полчаса все заканчивалось.

Коммунарка 1: Ну, может, прочтете что-нибудь?

Булгаков (чтец 2) : читает фельетон («Самогонное озеро» или любой другой)

Голос из зала (1): Подождите, а повесть «Морфий» это ведь ваша повесть? Это вы там о себе?

Булгаков (чтец 1): (зачитывает из «Морфия») «...Могу себя поздравить: я без укола уже четырнадцать часов! Четырнадцать! Это немыслимая цифра...

В памяти всплыл вокзал... Я убегал из Москвы... Краденый морфий я впрыскивал в уборной... Это мучение. В двери ломились, голоса гремят, как железные... руки прыгают, того и гляди распахнется дверь...

Это очень трудно колоться в уборной. С тех пор и фурункулы у меня».

Голос из зала (1): Но ведь ваша жена Тасенька Лаппа, она моя приятельница, мне сама рассказывала о том, что вы писали все это о себе.

Т. Лаппа (встает, подходит к Булгакову, кладет ему руки на плечи, как бы успокаивая его):

Да, было, это было на самом деле. Рассказ «Морфий» более чем автобиографичен. Мишу по распределению отправили в Смоленскую губернию. Это был 1916 г. Он был единственным врачом на весь уезд. Деревня, глушь, тоска. Он вообще тяжело переносил деревенский быт. Однажды, оперируя ребенка, Миша заразился дифтеритом и у него начались страшные боли, зуд, тело покрылось сыпью. Он не мог этого выносить и позвал фельдшерицу, чтобы она вколола ему морфий. С этого и началось. Укол, еще укол, и вскоре без морфия он уже не мог. Через некоторое время это уже тяжело было скрывать от окружающих, и мы перебрались в Вязьму. Такой захолустный город. Только проснулись «иди ищи аптеку». Я пошла, нашла, приношу ему. Кончилось это – опять надо. И так бесконечно. Хотела все бросить и уехать, но как посмотрю на него, какой он. Как же я его оставлю? Кому он нужен?»

Зимой 1918 года мы переехали в Киев. И всю гражданскую войну были там. Город переходил из рук в руки: белые, красные, петлюра, махновцы. А я все бегала по городу с докторской печатью в поисках хотя бы опия.

Из Киева мы отступали вместе с белыми и дошли до Владикавказа. Там Миша начал работать в газете и, конечно, писал. Красные наступали по всему фронту. Все эмигрировали. И у нас все было готово к отъезду, но Михаил тяжело заболел. И я не могла с ним двинуться с места.

Так мы и не попали в эмиграцию. И в 20-м году перебрались в Москву.

Ведущая: Бедная Тася испытала весь ужас жизни с наркоманом. По его требованию доставала морфий, делала уколы. Он предлагал попробовать, но ей хватило ума отказаться. Во время ломок он впадал то в депрессию, боясь, что о его недуге узнают, то в агрессию – наставлял на жену браунинг, как-то швырнул в нее горящий примус.

Но именно Тасе удалось вылечить мужа. Когда они приехали в Киев, то по совету отчима Булгакова Тася стала разбавлять дозу дистиллированной водой. А потом вкалывала только воду. С морфием было покончено навсегда!

*Звучит танго «Утомленное солнце»
Шариков танцует с Белозерской*

Т. Лаппа: Что здесь происходит? В чем дело? (удивленно смотрит на танцующих и отходит в сторону)

Шариков: Это моя секретарша. Я с ей жить буду.

Л. Белозерская: Простите, но вообще-то я мадам Булгакова, в девичестве Белозерская. Я познакомилась с Макой, только что вернувшись из Парижа. Это был 24-й год...

Передо мной стоял человек лет 30-32-х. Лицо в общем привлекательное, лицо больших возможностей. Одет он был в глухую черную толстовку без пояса, распашонку. Я совершенно не привыкла к такому мужскому силуэту. Он показался мне слегка комичным, так же как и лакированные ботинки с ярко-желтым верхом, которые я сразу окрестила «цыплячьими»... и посмеялась над ними. Когда мы познакомились ближе, он сказал мне не без горечи: «Если бы нарядная надушенная дама знала, с каким трудом достались мне эти ботинки, она бы не смеялась». Тогда я поняла, что он раним и обидчив.

Голос из зала (2): Но позвольте, в это же время Булгаков был уже знаменитым драматургом. Его пьесы уже шли на лучших сценах Москвы. «Дни Турбиных» во МХАТе, «Зойкина квартира» в театре им. Вахтангова «Багровый остров» в Камерном театре. И тогда начал писаться «Бег». Вы помните, как это было?

Л. Белозерская: Конечно, помню. За основу были взяты мои воспоминания об эмиграции. Я помню, он сидит у окна, в комнате темновато, первый этаж. А я стою перед ним и рассказываю все свои злоключения, переживания за несколько лет эмиграции, начиная от пути в Константинополь и далее. Ему очень интересно рассказывать. Задает вопросы. Вопросы, конечно же, писательские. Какая толпа? Кто попадаетеся навстречу? Какой шум слышится в городе? Какая речь слышна? Все вспоминаешь и понемногу начинаешь чувствовать себя тоже писателем, нахлынули воспоминания и даже запахи. Вот так писался «Бег».

Видеоряд из х/ф «Бег»

Ведущая: Пьеса так и не была поставлена, слишком много обвинений было в ее адрес. Булгакова обвиняли в белогвардейщине.

Голос из зала (1): А Горький, между прочим, защищал Булгакова. Вот, что он писал: «Со стороны автора не вижу никакого раскрашивания белых генералов. Я читал «Бег» три раза. Это пьеса глубокая, с умело скрытым сатирическим содержанием. Хотелось бы, чтобы такая вещь была поставлена на сцене «Художественного театра».

Коммунарка 2: А мы вот тут посоветовались на ЛИТО и решили присоединиться к мнению Луначарского: «Это политический недотеп и все его пьесы – глубокое мещанство, рассчитанное на мещанина, брата самого Булгакова».

Голос из зала (2): Ну, что вы говорите, товарищи! Булгаков ведь и не мог писать о крестьянстве! Вы ж поймите, что сам он не крестьянин, он интеллигент и ему ближе и понятнее проблемы интеллигенции. Да, Булгаков - сатирик и показывает жизнь так, как он ее видит. А это больно задевает ваши общественно-коммунистические интересы.

Коммунарка 2: А Маяковский – это революционный поэт. Пролетарский поэт. И вот его слова: «Мы приведем 200 человек на пьесу «Дни Турбиных» и 200 человек будут освистывать эту пьесу. И мы не побоимся милицию, и протоколов не побоимся, но пьесу эту прекратим. ...Это не просто запашок, это вонь какая-то... Булгакову дали пискнуть и он пискнул, но мы ему не позволим больше!»

Голос из зала (2): Но ведь Булгаков талантлив. Сам Станиславский говорил, что из Булгакова мог бы выйти режиссер. Он не только литератор, но и актер. И на репетициях «Дней Турбиных» он показывал актерам как надо играть. И именно благодаря ему, спектакль состоялся.

Коммунарка 1: А вы забываете о том, что...

Голос из зала (2): (продолжает) Подождите, товарищ, гражданка или как вас назвать? Дайте мне договорить. Собственно Булгаков и поставил Турбиных, по крайней мере, дал те блестяшки, которые сверкали и создавали успех спектаклю.

Шариков: А я в театры не хожу. Дуракаваляние! Контрреволюция сплошная!

Коммунарка 2: (подхватывает) Правильно, товарищи, «Дни Турбиных» - вообще спектакль белогвардейский, это же сразу понятно.

*видеосюжет «Дни Турбиных»
романс «Белой акации гроздь душистые...»*

Сюжет заканчивается, но пианист продолжает играть музыку к романсу
И сразу переход к трагической, **тревожной музыке**

*Шариков идет и открывает портрет Сталина на стене
рядом с Булгаковым*

Ведущая: 1929 год – «год великого перелома». Этот год стал годом катастрофы для Михаила Булгакова. Были запрещены все его пьесы. Не печатали ни одной строчки, на работу не брали даже типографским рабочим. У него было очень трудное материальное положение, не говоря уже об ужасном душевном состоянии. Словом, выход один – кончать жизнь. Но именно в этот страшный год он встретил свою большую любовь – Елену Шиловскую. И именно в этот год он написал в отчаянии письмо к правительству.

Булгаков (чтец 2): «Я прошу Советское правительство принять во внимание, что я не политический деятель, а литератор, и что всю мою продукцию я отдал советской сцене... Я прошу Правительство приказать мне в срочном порядке покинуть пределы страны... Я обращаюсь к гуманности Советской власти и прошу меня, писателя, который не может быть полезен у себя в отечестве, великодушно отпустить на свободу... Если же и то, что я написал, неубедительно... я прошу о назначении меня лаборантом-режиссером в 1-й Художественный театр... Если меня не назначат

режиссером, я прошусь на штатную должность статиста. Если и статистом нельзя – я прошусь на должность рабочего сцены».

Голос из зала (1): А через несколько дней в квартире Булгаковых раздался звонок. Это был Сталин. Вы хотите работать в театре? А вы подайте туда заявление. И Булгаков подал. И его взяли режиссером в Московский Художественный театр.

Человек из зала поднимает руку

Коммунарка 1: Вы что-то хотели сказать? (обращаясь к нему)

Голос из зала (2): Да, я просто хочу напомнить, что появлению этого письма, которое было написано 28 марта 1930 года, предшествовал запрет Главреперткомом пьесы Булгакова «Мольер». 18 февраля запретили пьесу, и было написано это письмо. Запрещали все пьесы, хотя Булгаков обратился уже к другой эпохе, к другой стране, но посчитали, что она все-таки неблагонадежная. Но начали репетиции в 32 году. Четыре года шли репетиции. И на сцене появилась эта пьеса только в 36 году. Булгаков уже работал во МХАТе по совету Сталина. Но первое же появление пьесы на сцене привело к тому, что в газете появился отзыв: «Внешний блеск и фальшивое содержание», – писала «Правда». Семь раз при полном аншлаге прошла пьеса, и ее запретили окончательно. Булгаков с горечью писал в одном из писем: «Из Художественного театра я ушел. Мне тяжело работать там, где погубили «Мольера». Кладбище моих пьес».

Голос из зала (1): Ну, можно только добавить, что не только пьес, но и многих книг. Была написана книга биографическая о Мольере по заявке редакции ЖЗЛ. Но Горький, прочитав этот роман, сказал: «Что и говорить, конечно, талантливо. Но если мы будем печатать такие книги, нам здорово попадет». И Горький, и Станиславский в пьесе «Мольер» и в романе увидели то, что видели и современники – трагическую зависимость мастера от ничтожной власти. И слова Мольера, которые звучат в пьесе, конечно же, не могли понравиться этой власти. «Я быть может вам мало льстил? Я быть может мало ползал? всю жизнь думал только одно – не раздави. И все-таки раздавил. Тиран. Ненавижу бессудную тиранию!»

*Актриса театра выходит из зала и читает
2 главу из романа «Мастер и Маргарита»
«В белом плаще с кровавым подбоем...»*

Закончив, зашторивает портрет Сталина.

Голос из зала (2): (обращаясь к зрителям) Вы не должны забывать, что система умела карать жестоко, быстро и, в общем-то, окончательно. Она Булгакова пощадила. Почему? Возможно, ответ прост. Булгаков просто нравился Сталину. Вот нравился и все. По протоколам Художественного театра и театра им. Вахтангова Сталин смотрел «Дни Турбиных» – 16 раз, а

«Зойкину квартиру» – 15 раз. Вот и все, возможно, поэтому Булгаков был пощажен.

Лирическая музыка (Глинка)

Коммунарки снимают красные косынки, кожаные куртки и предстают в обычном женском облике

Коммунарка 2: (читает на фоне музыки из «Мастера и Маргариты»)

«...Внезапно наступила весна, и сквозь мутные стекла увидел я сперва голые, а затем одевающиеся в зелень кусты сирени. И вот тогда, прошлую весной, случилось нечто.

...Она несла в руках отвратительные, тревожные желтые цветы. Черт их знает, как их зовут, но они первыми появляются в Москве. Эти цветы очень отчетливо выделялись на черном ее весеннем пальто. Она повернула в Тверской переулок и тут обернулась. По Тверской шли тысячи людей, но я ручаюсь, что увидела она меня одного.. И меня поразила не столько ее красота, сколько необыкновенное, никем не виданное одиночество в глазах!

Повинуясь этому желтому знаку, я тоже свернул в переулок и пошел по ее следам. Мы шли безмолвно я по одной стороне, а она по другой... не было ни души. Она поглядела на меня, и я вдруг совершенно неожиданно понял, что я всю жизнь любил именно эту женщину.

Любовь выскочила перед нами, как из-под земли выскакивает убийца в переулке, и поразила нас сразу обоих!»

Продолжает играть музыка

Ведущая: Когда Елена Шиловская познакомилась с Михаилом Афанасьевичем, он был еще женат на Любви Белозерской. Она же была женой крупного военначальника: благородного, честного и очень любящего человека. У нее было все: прекрасная семья, двое чудных детей, гувернантка, нянька, прекрасная московская квартира. Испугавшись своего большого чувства, они дали клятву – не видеться. Их беспокоило чувство долга, и они держали эту клятву. Он жил с Белозерской, она - со своим любящим мужем. Но вот однажды, именно так они встретились, совершенно случайно, на углу московской улицы с тем, чтобы уже не расстаться никогда. И она бросила все и ушла к затравленному, обездоленному писателю, почувствовав, что это великий мастер. Она стала его великой любовью. Она стала его другом, Музой, ангелом-хранителем. А что мог сделать писатель для своей любимой женщины? Он ее увековечил в образе Маргариты. Она же оберегала его, лелеяла сочинения, написанные им в стол. А когда он ушел, она их донесла до нас.

Звучит музыка (Брамс)

Зажигаются свечи.

*Все участники встанут и выстраиваются клином по обе стороны от
портрета Булгакова*

Монолог Маргариты:

«...Слушай беззвучие, – говорила Маргарита Мастеру, и песок шуршал под ее босыми ногами, – слушай и наслаждайся тем, чего тебе не давали в жизни, – тишиной. Смотри, вон впереди твой вечный дом, который тебе дали в награду. Я уже вижу венецианское окно и вьющийся виноград, он подымается к самой крыше. Вот твой дом, вот твой вечный дом. Я знаю, что вечером к тебе придут те, кого ты любишь, кем ты интересуешься, и кто тебя не встревожит. Они будут тебе играть, они будут петь тебе, ты увидишь, какой свет в комнате, когда горят свечи. Ты будешь засыпать с улыбкой на губах. Сон укрепит тебя, ты станешь рассуждать мудро. А прогнать меня ты уже не сумеешь. Беречь твой сон буду я...»

Список использованной литературы:

1. Булгаков М. А. Записки на манжетах : ранняя автобиогр. проза. – М. : Худож. лит., 1988. – 206 с.
 2. Булгаков М. А. Мастер и Маргарита : роман. – М. : Худож. лит., 1988. – 384 с.
 3. Булгаков М. А. Пьесы 20-х годов. – Л. : Искусство, 1990. – 591 с.
-
4. Белозерская-Булгакова Л. Е. Воспоминания / сост. и послесл. И.Белозерского. – М. : Худож. лит., 1989. – 223 с.
 5. Булгаковская энциклопедия / авт.-сост. Б. В.Соколов. – М. : Локид-Мид, 1998. – 586 с.
 6. Воспоминания о Михаиле Булгакове : сб. – М. : Сов. писатель, 1988. – 528 с.
 7. Дневник Елены Булгаковой. – М. : Изд-во «Кн. палата», 1990. –400 с.
 8. Соколов Б. В. Три жизни Михаила Булгакова. – М. : Эллис Лак, 1997. – 432 с.
 9. Чудакова М. О. Жизнеописание Михаила Булгакова. – М. : Книга, 1988. – 492 с.